
Д. Е. Еремеев

ЯЗЫК КАК ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

(ИЗ ОПЫТА ЛЕКСИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ТУРЕЦКОГО ЯЗЫКА)

Процессы глоттогенеза и этногенеза далеко не тождественны: во-первых, развитие языка идет по своим специфическим законам, отличающимся от закономерностей формирования и изменения этноса, а во-вторых, этногенез гораздо шире глоттогенеза: в его сферу, кроме истории языка данного народа, входит и сама история этого народа, особенно история его материальной и духовной культуры. Однако основные этапы этнической истории какого-либо конкретного народа не могут не отражаться на его языке, вызывая определенные изменения в фонетической структуре, грамматическом строе и, главным образом, словарном составе. Особенно это касается процессов этнической ассимиляции, основу которой составляет именно языковая ассимиляция. Диалектическая сущность ассимиляционных законов убедительно проявляется в развитии языка. Ассимиляция — процесс двусторонний, процесс взаимодействия, взаимовлияния двух (по меньшей мере) этнических общностей; и как бы ни была, казалось, полно ассимилирована одна какая-либо этническая общность другой, первая также вносит свой вклад в новообразованный этнос. И это наглядно отражается в языке. Так, если взять семью тюркских языков, то мы увидим заметное влияние на фонетику, грамматику и лексику языка какого-либо конкретного народа языков тех народов, роль которых была значительной в его этногенезе: алтайский язык испытал воздействие монгольских языков, туркменский — иранских, чувашский — финно-угорских и славянских, якутский — тунгусо-маньчжурских и монгольских и т. п.¹

Особенно много материала для этногенетических выводов дает анализ лексики. Это понятно, так как лексические единицы заимствуются зачастую параллельно самим элементам культуры, которые они обозначают. Правда, для выражения новых понятий могут создаваться и новообразования (частный случай такого явления представляют собой кальки), отражающие заимствованные элементы культуры; новые понятия могут выражаться и старыми словами, изменившими прежнее значение. Но в данной статье будет рассмотрено лишь прямое заимствование иноязычной лексики как наиболее наглядный пример межъязыкового взаимодействия.

Приступая к этногенетическому анализу какого-либо языка, нужно прежде всего решить, какую именно лексику взять для исследования. В этом отношении необходим как общен исторический, так и конкретно этнографический подход. К примеру, если исторически известно, что какая-то этническая общность, распространившись по новой территории, ассимилировала впоследствии прежних местных насельников, то мы

---

¹ Подробно о тюркских языках в этом отношении см.: Н. А. Баскаков, Тюркские языки, М., 1960, стр. 26, 27, 41, 60, 97, 98.

вправе ожидать наличия субстрата местных языков в языке новообразовавшегося этноса. Это наиболее характерно для тех случаев, когда пришедшая этническая общность сталкивается с новыми для нее географическими условиями и перенимает, хотя бы частично, навыки хозяйства и особенности культуры местных народов. Так, в индийских языках есть субстраты «аборигенных» доарийских языков, ибо арии, пришедшие на Индостан, встретились здесь с совершенно новыми для них географическими и климатическими условиями, с новыми во многих отношениях флорой и фауной. Естественно, что местные географические и зооботанические реалии вошли в новообразовавшиеся индийские языки. Кроме того, нужно учитывать, что при ассимиляции иногда совершенно меняется хозяйственно-культурный тип ассимилирующей этнической общности. Так, арии, ассимилировав местное население Индостана по языку и в определенной степени по культуре, сами были как бы ассимилированы им по типу хозяйства и многим элементам материальной и духовной культуры, превратившись из кочевых скотоводов в оседлых земледельцев.

Сходное явление наблюдается и в современных языках Латинской Америки (испанском и португальском), где четко прослеживаются заимствования из местных индейских языков, носители которых были ассимилированы. Многие навыки хозяйства и элементы культуры индейцев были восприняты европейскими переселенцами, а лексические единицы, их обозначающие, — испанским и португальским языками. Точно в таком же аспекте можно говорить и о влиянии языков уральских и сибирских народов на уральские и сибирские диалекты русского языка. Подобные примеры многочисленны.

Однако при анализе заимствованной лексики нужно учитывать довольно большой фонд слов, которые проникают в язык безотносительно к процессам этногенеза, отражая лишь историю культурных влияний, а не историю этнической ассимиляции. Так, в русский язык вошло много греческих слов после принятия и распространения христианства на Руси, а многие слова из западноевропейских языков (например, из французского) проникли в него благодаря чисто культурному, но не этническому влиянию. Далее, языки тюркских народов Сибири, воспринявших монгольскую культуру, заимствовали значительное количество монгольской «культурной» лексики, а языки тюрков Средней Азии, как и турецкий, буквально наводнены арабскими элементами, вошедшими в эти языки под воздействием ислама и арабо-исламской культуры. В турецком разговорном языке, например, арабизмы составляют до 30%, в литературном — не менее 50%². Но такое обилие арабизмов в турецком языке говорит не о какой-то особо крупной роли арабов в этногенезе турок, а лишь о сильнейшем влиянии арабской культуры на турецкую через ислам, просвещение, литературу. Правда, арабы принимали участие и в этногенезе турок: отдельные арабские племена переселились вместе с турками на вновь завоеванные османцами земли на Балканах и в Малой Азии³, а в Османской империи происходило довольно интенсивное смешение арабов и турок друг с другом.

Но роль арабов в этногенезе турок была гораздо меньшей, чем роль других народов — греков, армян, курдов. Поэтому, если искать в араб-

² С. Майзель, Арабские и персидские элементы в турецком языке, М., 1945, стр. 3.

³ Например, известен такой исторический факт: когда Сюлейман, сын Орхана-бей (одного из первых османских правителей), попросил отца прислать мусульман для заселения завоеванных земель на Галлиполийском полуострове, туда было переселено племя арабов из района Кареси на Мраморном море (А. С. Тверитинова, Фальсификация истории средневековой Турции в кемалистской историографии, «Византийский временник», т. VII, 1953, стр. 16).

ской лексике турецкого языка те слова, которые имеют непосредственное отношение к этногенезу, нужно исключить из нее все арабизмы, вошедшие в турецкий язык в связи с распространением ислама, а также благодаря просвещению, литературе, через администрацию (канцелярский язык состоит почти исключительно из арабизмов), через военную службу (военная терминология в Османской империи была в основном арабская) и т. д.

Для выяснения особенностей этногенетического языкового анализа пример с турецким языком показателен, как нам кажется, по целому ряду причин. Во-первых, турецкий народ, а вместе с тем и турецкий язык, сложились сравнительно недавно, в не очень отдаленный от нашего времени исторический период, хорошо освещенный нарративными источниками⁴. Поэтому сведения, которые дает этногенетический анализ турецкого языка, легко могут быть проверены по фактам этих источников. А такой перепроверенный итог обладает высокой степенью достоверности и, следовательно, дает право извлечь из подобного анализа также общеметодические выводы, которые будут полезны при такого рода исследованиях и других языков.

Во-вторых, одна из особенностей формирования турецкого народа состоит в том, что в его этногенезе приняли участие два основных, но крайне противоположных по своему культурно-хозяйственному типу этнических компонента — тюркские племена кочевников-скотоводов, перекочевавшие в Малую Азию, и местные малоазийские народы, характерным типом хозяйства которых являлись оседлое земледелие и в приморских районах — морское рыболовство. Только часть курдов, практиковавших кочевое и отгонное скотоводство, была близка по типу хозяйства тюркам. В процессе смешения с местным населением тюрки-кочевники переходили на оседлость, перенимая навыки земледелия и оседлой жизни у коренных жителей. Можно сказать, что в культурно-хозяйственной ассимиляции побеждали малоазийские народы, обладавшие более высокой по сравнению с кочевниками-скотоводами оседлой земледельческой культурой, имевшие богатый опыт и развитые навыки хозяйства применительно к местным географическим условиям. Но в языковой ассимиляции победителями выходили тюркские диалекты, правда изменявшие при этом некоторые фонетические и грамматические особенности и заимствовавшие огромное количество местной лексики⁵. Это воздействие местных малоазийских языков на диалекты тюркских племен в немалой степени повлияло на формирование турецкого языка (в основу которого и легли эти диалекты), обогатив его фонетически, грамматически и лексически. И эти пласты местных заимствований легко выделяются в современном турецком языке. Например, в области лексики их нужно искать среди тех терминов, которые относятся к земледелию, строительству и особенностям оседлых жилищ, мореходству, рыбным промыслам, т. е. среди терминологии, не характерной для хозяйства и культуры кочевников-скотоводов. Тюрками были заимствованы и многие слова, связанные с местными особенностями географической среды, климата, фауны и флоры.

В-третьих, лингвистические особенности турецкого языка, как и всех других тюркских языков, характеризующиеся неизменностью корня-основы, облегчают этногенетический анализ: в тюркских языках корни

⁴ Массовое переселение тюркских племен в Малую Азию началось в конце XI в. и продолжалось до конца XIII — начала XIV в., а период формирования турецкой нации падает на XIV—XV вв.

⁵ Так же было у венгров Дуная, узбеков Средней Азии и некоторых других народов.

и производные основы слов удивительно мало подвергались изменениям и обычно в памятниках тысячелетней давности имеют тот же вид, что и в современных тюркских языках. Поразительна также стабильность основных значений большей части слов, относящихся к общетюркскому фонду⁶. Естественно, что на таком фоне очень легко выделяются заимствованные из других языков слова: они как бы лежат на поверхности словарей, представляя собой, по археологической терминологии, «подъемный материал». Все перечисленные причины и позволили избрать турецкий язык как наиболее подходящий для опыта этногенетического анализа.

В турецком языке можно выделить несколько конкретных субстратов, восходящих к языкам ассимилированных турками групп малоазийского населения. Одной из таких групп, с которой вошли в соприкосновение перекочевавшие в Малую Азию тюркские племена, были греки — древняя этническая общность с высокой оседлой земледельческой и мореходной рыболовецкой культурой. В течение многовекового общения с тюрками в тюркских государствах, образовавшихся на территории Малой Азии (государство Сельджукидов, княжества Караманидов, Данишмендидов и других династий), началась тюркизация малоазийских греков. Позже, в период Османской империи, новые крупные массы малоазийских греков были отуречены, влившись в состав турецкой народности. Ассимилированные греки внесли громадный вклад в турецкую культуру, оставили значительный след в турецком языке, особенно в его словарном составе.

Грецизмы, заимствованные турецким языком⁷, можно классифицировать по следующим тематическим разделам. Прежде всего, это географические и зооботанические реалии: названия морских ветров — роугаз (северный ветер), lodos (юго-западный ветер); морских явлений — talaz (морская волна), уакатоз (фосфоресцирование моря), апафор (прибой); морских рыб и животных — pisi (камбала), раçота (тунец), заргана (морской угорь), vatoz (скат), lüfer, levrek, kofana (виды морского окуня), istakoz (омар), аһтарот (осьминог), çağanoz (краб) и т. д.⁸

Значительная часть мореходных и рыболовецких терминов в турецком языке также греческого происхождения: еггер (сеть), прага (тяжелая лодка), регесе (грузило), çарагі (шеремет), dalyan, livar (типы садков для рыбы), köğfez (залив), liman (порт), kemenk (гарпун), iskarmoz (уключина), zoka (рыболовный крючок), kilavuz (лоцман). С рыболовством связаны названия и рыбных блюд: lâkerda (соленая рыба), li-

⁶ Сборник «Историческое развитие лексики тюркских языков», М., 1961, Введение, стр. 4.

⁷ Этимология многих турецких слов указана в следующих работах: А. З. Будогов, Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, т. I—II, СПб., 1869—1871; В. В. Радлов, Опыт словаря тюркских наречий, т. I—IV, СПб., 1893—1911. Этимология указывается также в толковом словаре турецкого языка. См. «Türkçe sözlük», Z. baskı, Ankara, 1959. Происхождение многих турецких слов отмечает и Д. А. Магазаник в своем «Турецко-русском словаре» (М., 1945). Кроме того, есть специальные работы по турецкой этимологии: G. Meyer, Türkische Studien, I. Die griechischen und romanischen Bestandtheile im Wortschatze des Osmanisch-Türkischen, «Sitzungsberichte der philosophisch-historischen Classe der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften», 1893, 128 Bd., I Abh., S. 1—93; B. Kerestedjian, Quelques matériaux pour un dictionnaire étymologique de la langue turque, London, 1912; A. Titz e, Griechische Lehnwörter im anatolischen Türkisch, «Oriens», 1955, t. VIII, № 2, S. 204—257; его же, Einige weitere griechische Lehnwörter im anatolischen Türkisch, «Nemeth armağanı», Ankara, 1962.

⁸ За недостатком места в статье приводятся не исчерпывающие списки заимствованных слов, а лишь наиболее характерные примеры. Тех, кто интересуется более подробной этимологией турецкой лексики, можно отослать к вышеуказанным трудам, в которых разработан этот материал довольно основательно, хотя и в чисто лингвистическом аспекте.

koğinoz (копченая рыба), çigoz (сушеная скумбрия), pilâki (жареная рыба с острой приправой).

К земледельческой терминологии относятся многие заимствованные названия сельскохозяйственных орудий: tıgran (коса), dıpen (вилы), düğen (молотильная доска); агротехнические термины: kizizma (глубокая пахота), gübre (удобрение), sınığ (межа), fidan (привой), padas (земля под паром), filiz (всходы), fide (рассада), demet (сноп), tınaz (стог сена), tepen (скирда); названия культурных и диких растений: kiraz (черешня), defne (лавр), taflan (лавровишня), küknar (ель), ahlat (дикая груша), dalya (виноградная лоза), gazaki (сорт винограда), bezelye (зеленый горошек), biber (перец), maydanoz (петрушка), lâhana (капуста).

Близко примыкают к земледельческой терминологии и грецизмы, обозначающие элементы материальной культуры, непосредственно связанные с земледелием, например, названия мучных изделий: pide (лепешка из квашеного теста), simit (бублик), somun (каравай), beze (тесто), peksimat (сухарь).

Терминология, относящаяся к оседлому жилищу, строительству домов, также богата греческими заимствованиями: kulube, kelif (типы деревянных — бревенчатых или дощаных — хижин), kiler (кладовая), bodgım (погреб), avlu (огороженный двор), temel (каменный фундамент), tonos (свод), kiremit (черепица), tuğla (обожженный кирпич), moloz (щебень для фундамента), pedavga (дранка для покрытия кровли).

Некоторые исследователи считают, что слово hanaу — название двухэтажного дома особого типа (первый этаж — хозяйственно-подсобные помещения, второй — жилые комнаты) также заимствовано турками у греков. Так, А. Титце возводит его к греческому слову 'ανωύη (верхний этаж)⁹. В пользу подобной этимологии говорит и сам факт местного происхождения этого типа дома, характерного вообще для всего Восточного Средиземноморья.

Через греческий язык вошли в турецкий и многие итальянские слова, также относящиеся в большинстве к мореходно-рыболовецкой терминологии, например, dümen (руль судна), olta (удочка), iskele (пристань), sintine (трюм), fırtına (шторм); gümena (якорная цепь), güverte (палуба), и лексике, связанной с земледелием и оседлой жизнью: gekolte (сбор урожая), portakal (апельсин), fırın (печь в пекарне), mola (жернов), mandıra (крытый хлев), badana (штукатурка). Так, итальянское слово mağangone (столяр) в греческом языке приняло окончание — ос (μαγαγκος), конечная согласная которого уже в турецком стала звонкой: mağangoz. Но многие итализмы проникали в турецкий язык и непосредственно из итальянского (морские, технические, коммерческие и другие термины), они вошли путем культурных контактов, безотносительно к этногенетическому процессу.

Обилие грецизмов в турецком языке, причем в лексике, обозначающей важнейшие элементы материальной культуры (например, земледельческая терминология представлена такими основными понятиями, как пахота, уборка урожая, межа, сноп, стог, скирда, коса, вилы, молотильная доска, каравай, лепешка), свидетельствует о сильнейшем влиянии местного греческого населения на культуру турок. Подобное влияние может быть объяснено именно тем, что греки приняли непосредственное и широкое участие в этногенезе турецкого народа, а не только простым культурным заимствованием в процессе длительного общения, хотя последнее также сыграло свою роль. О большом вкладе греков в этно-

⁹ А. Титце, Griechischen Lehnwörter..., S. 211.

генез турок говорит и факт проникновения многих греческих слов в области наиболее консервативной лексики, так называемой «интимной», например, в названия частей тела и органов человека, продуктов его жизнедеятельности, терминологию, связанную с рождением и воспитанием ребенка. Так, грецизмами являются *omuz* (плечо), *salya* (слюна), *lobusa* (роженица), *pippi* (колыбельная)¹⁰. Последние два слова указывают на «женское» влияние, которое шло скорее всего через гречанок, вступавших в браки с турками или взятых в гаремы.

Вывод о крупном вкладе греков в формирование турецкого народа подтверждается фактами и из других источников. Так, турецкое население западных районов Малой Азии переняло антропологический тип местного дотурецкого населения. Это свидетельствует о том, что массы туркизированных греков были очень многочисленны: в их антропологическом типе совершенно растворились антропологические черты предшедших тюрков. Это находит объяснение и в фактах истории. В государстве Сельджукидов и в Османской империи существовала система массового набора и обучения христианских юношей, подростков и мальчиков для службы в армии и правительственных учреждениях — девишirme. Впоследствии многие из них, естественно, окончательно ассимилировались с турками. При этом некоторые занимали крупные административные и военные посты, становились видными деятелями культуры и науки. Например, великий османский зодчий Синан и известный турецкий мореплаватель и картограф Пири Реис были греками по происхождению. Кроме того, немало гречанок, как уже отмечалось выше, попадало в турецкие гаремы. Но главным фактором этнического смешения все же был ассимиляционный процесс. Как известно, христианское население в Османской империи, в том числе и греки, облагалось дополнительными налогами, терпело много притеснений от властей, подвергалось опасности погромов и убийств. В этих условиях было выгодно (а часто это было и единственным способом спасти жизнь) принимать ислам, что и делали многие христиане. А новообращенные мусульмане уже более легко подвергались отуречиванию.

Турки заимствовали обрядовую сторону многих греческих обычаев и связанную с ней лексику. Так, грецизм *imese*, который обозначает особый вид взаимопомощи при сельскохозяйственных работах, сопровождаемый многими обрядами древнего земледельческого культа, свидетельствует о том, что по крайней мере обрядовая форма этого обычая была перенята перешедшими к оседлости турками у греков. Затем в районе Испарты (западная Турция) распространен магический обряд, связанный с географическими грецизмами *iodos* (юго-западный ветер) и *rougaz* (северный ветер): весной крестьяне-турки устраивают праздничное представление — выдачу дочери лодоса за сына пойраза. Это делается для того, чтобы «умилостивить суровый северный ветер и вызвать потепление погоды»¹¹. А. Титце приводит также заимствованное из греческого языка зейбеками (туркоязычное племя западной Анатолии) название дерева — *pehtel* (греч. *δαφνυλαιο* «лавр»), почитаемого ими как «священное»¹². А ведь лавр как раз занимал у греков особое место в культовых обрядах.

¹⁰ Нужно подчеркнуть, что это не научные термины, которые обычно проникают в язык через литературу, а народные, широко бытующие в разговорном языке слова.

¹¹ Обряд описан в статье: Н. Farhan, Isparta'da Lodos'un kizimi Rougaz'a gelin etmek «Halk bilgisi haberleri», 1930, № 5.

¹² А. Титце, Указ. раб., стр. 215. Многое заимствовано турками у греков в свадебном обряде: обычай публичного бритья жениха, факельное шествие после свадьбы и т. п. Сильное греческое влияние на фольклор и обычаи турок-стамбульцев обнаружил турецкий этнограф А. Сюхейль. Он приводит даже такой любопытный пример:

В местных малоазийских заимствованиях турецкого языка, особенно в его восточно-анатолийских диалектах, прослеживаются армянский и курдский пласты. Так, турецкий этнограф Х. Сарачоглу сообщает, что в ряде районов восточной Анатолии крытый хлев, овчарня и скотоводческий хутор называются *kom*¹³, молотильная доска — *kam*, упряжка в 6—12 быков с плугом — *kötan*, земли под паром — *hegk*¹⁴. Все эти слова — армянского происхождения¹⁵. А. З. Будагов приводит еще один арменизм в турецком языке — *agastak* (потолок)¹⁶. Очевидно, что заимствованная армянская лексика тоже связана с земледелием и оседлой культурой. Интересно, что в западной Анатолии большинству этих арменизмов соответствуют грецизмы: *mandıra* (хлев), *düğün* (молотильная доска), *padas* (земля под паром).

Часть армянских слов могла войти в турецкий язык через курдский, в котором их довольно много. Кстати, отмеченные арменизмы есть и в курдском языке: *кам* — молотильная доска, *гом* — овчарня, *котан* — плуг¹⁷.

В пользу более вероятного проникновения этой группы слов в турецкий язык через курдский говорит факт большего этнического смешения турок с курдами, чем с армянами, в силу их общей принадлежности к одной и той же религии — исламу суннитского толка. Как известно, общность религии играет важную роль в процессе ассимиляции, в частности, она значительно повышает процент смешанных браков между соседствующими этническими группами. Например, армяне, принимавшие ислам, туркизировались гораздо быстрее, чем армяне-христиане. Так, одну из этнографических групп населения Турции составляют хемшины, отуреченные армяне. Большая часть их была сначала исламизирована, затем утратила родной язык и отуречилась. Однако их меньшая часть, сохранившая христианство, хотя и усвоила турецкий язык, в то же время не утратила армянского, оставшись двуязычной группой.

К числу чисто курдских заимствований в турецком языке можно отнести такие скотоводческие термины, как *tiftik* (ангорская коза и ее шерсть), *log* (сорт сыра из козьего молока), так как козоводство вообще, а особенно разведение ангорских коз, является характерной и, видимо, древнейшей чертой курдского кочевого скотоводческого хозяйства. Но в подавляющем большинстве скотоводческая терминология в турецком языке является тюркской, ибо основным занятием турков было именно скотоводство.

в Стамбуле несчастливим «тяжелым» днем считается вторник, день недели, когда Стамбул был взят турками, т. е. день, действительно несчастливый для греков. Но теперь это поверье перешло и к самим туркам. Он пишет также, что многие «святые места» одинаковы как для турок-мусульман, так и для греков-христиан, и что первые и вторые совершают к ним паломничества в одни и те же дни. (A. S ü h e y l, *Türkiye'de tıbbî folklor hakkında garog*, «Halk bilgisi haberleri», 1936, № 56). Многие греческие (а также и другие малоазийские — курдские, армянские) заимствования в духовной культуре турок отмечены в работах: В. А. Гордлевский, Из османской демонологии, «Этнографическое обозрение», 1914, № 1—2, стр. 1—45; его же, Османская свадьба, там же, № 3—4, стр. 1—60; его же, Османские исторические сказания, там же, 1915, № 1—2, стр. 1—17; его же, Быт османца в суевериях, приметах и обрядах, там же, № 3—4, стр. 1—14.

¹³ Постройки на пастбищах для зимнего содержания скота, имеющие запасы сена, называются *kom*. Со временем они превращаются в хутора и деревни (H. Sa ga ço ğ l u, *Doğu Anadolu*, с. I, İstanbul, s. 266).

¹⁴ Там же, стр. 231, 436, 445, 468.

¹⁵ См., например, «Народы Кавказа», ч. II, М., 1962, стр. 464, 466, 498, 648, 649.

¹⁶ А. З. Будагов, Указ. раб., т. I, стр. 25.

¹⁷ Т. Ф. Аристова, Курды Закавказья, М., 1966, стр. 59, 94. Автор пользуется случаем выразить искреннюю благодарность М. Г. Асланову и А. Е. Панян за консультации по армянским заимствованиям в турецком языке.

Курдизмы подводят нас к очень широкому пласту заимствований в турецком языке — иранскому. Этот пласт очень сложен, он как бы многослоен по времени и месту своего образования. Во-первых, это — сравнительно новые по времени, малоазийские по месту заимствования (например, из курдского языка); во-вторых, более ранние — переднеазиатские (например, из персидского языка) и, наконец, самые древние — среднеазиатские, восходящие к древним иранским языкам (сакским, аланским, согдийскому, хорезмийскому и др.). Волна тюркских племен, начавших в V—VI вв. массовое движение из Центральной Азии в Среднюю Азию, Переднюю Азию и Восточную Европу, к XI—XIII вв. постепенно докатилась до современных западных границ распространения тюркских народов — Малой Азии и Балкан. На всем этом долгом историческом пути она вбирала в себя иранские элементы (помимо других, если говорить в более широком смысле, индоевропейских элементов)¹⁸ как в отношении языка, так и культуры. Изменялись тюрки и антропологически, смешиваясь с европеоидами и в силу этого утрачивая по мере продвижения на Запад прежние монголоидные черты¹⁹.

Н. А. Баскаков делит историю развития тюркских языков на несколько эпох: алтайскую (она уходит далеко в древность²⁰, заканчиваясь в III в. до н. э.), хуннскую (продолжалась до V в. н. э.), древнетюркскую (V—X вв.), среднетюркскую (X—XV вв.), новотюркскую (XV—XX вв.)²¹. При этом он отмечает, что в алтайскую эпоху тюркские языки были мало разобщены с монгольскими, но что в хуннскую эпоху возрастает влияние древнеиранских языков на тюркские, а в древнетюркскую эпоху происходит полная дифференциация тюркских и монгольских языков²².

В свете этого общего процесса можно допустить, что выделению тюркских языков в самостоятельную ветвь в большой степени способствовало языковое и, следовательно, этническое влияние ираноязычных народов. Об этом говорят многочисленные лингвистические параллели между тюркскими и иранскими языками. Не противоречат этому предположению и последние данные исторической лингвистики, в частности топонимики, подтверждающие древнейшее распространение индоевропейского, главным образом ираноязычного, населения далеко на Восток, вплоть до Центральной Азии. Впоследствии же это население в большинстве своем было тюркизировано²³.

Об ассимиляции ираноязычных (или шире — индоевропейских) племен Восточного Туркестана и Западного Китая тюрками в конце хун-

¹⁸ Нас в данном случае интересуют те тюркские предки турок, которые продвигались в Малую Азию и на Балканы южным путем — через Среднюю Азию и Иран, а частично и через Дербентское ущелье. На всем этом длинном пути они встречались и смешивались с ираноязычным населением. Тюрки, полавшие на Балканы северным путем — через южнорусские степи, а затем проникшие с Балкан в Малую Азию, также принесли с собой многие иранские элементы. Но они подверглись и более широкому индоевропейскому влиянию, в частности славянскому. Осевшие же на востоке Европы тюркоязычные группы, в частности тюркские предки чуваш, испытали сильное воздействие финно-угорских языков и культуры.

¹⁹ Например, в огузской группе тюркоязычных народов монголоидные черты постепенно уступают место европеоидным, если рассматривать эти народы по их географическому расселению с востока на запад: туркмены, считающиеся европеоидами, еще имеют заметные монголоидные черты, у азербайджанцев их уже меньше, у турок — почти нет, у гагаузов — почти совсем нет.

²⁰ С. Е. Малов считал, что, судя по развитости языка тюркских письменных памятников V—VI вв. н. э., тюркские языки существовали «веков за пять до нашего летоисчисления»: С. Е. Малов, Древние и новые тюркские языки, «Изв. АН СССР», Отделение литературы и языка, 1952, т. XI, вып. 2, стр. 135.

²¹ Н. А. Баскаков, Указ. раб., стр. 28—45.

²² Там же, стр. 28.

²³ Подробное обоснование этой гипотезы является уже темой особой работы.

нской эпохи (III—V вв.) можно говорить уже как об историческом факте. В свою очередь в язык тюрков проникали иранские элементы. О контактах и этническом смешении между тюрками и ираноязычным населением этих районов в указанный период говорят очень древние иранские заимствования в тюркских языках: бёри/бёрю (волк), шад, ябгу (титулы родоплеменных предводителей), ашина (этноним тюркского — тюркизированного иранского? — племени) и другие слова²⁴.

В древнетюркскую эпоху (V—X вв.) эта ассимиляция продолжалась. Она стала особенно интенсивной с начала VIII в., когда южный Туркестан со смешанным тюркским и иранским населением был завоеван арабами. В связи с исламизацией местного населения произошло широкое взаимодействие между тюркскими языками, с одной стороны, и иранскими (в том числе таджикским, персидским), с другой. Тюркские языки испытали в этот период сильнейшее влияние лексики, фонетической структуры и грамматического строя иранских языков²⁵. В это же время в тюркские языки (а также и в иранские) началось массовое проникновение арабских слов, о чем уже говорилось выше.

Словарь языков тюркских племен, составленный Махмудом Кашгарским в конце XI в., содержит много иранских слов: армуд (груша), армаган (подарок), кешюр (морковь), там (стена), кенд (город), тене (зерно)²⁶, акшам (вечер), бамук (хлопок), сирке (уксус) и другие²⁷. Все эти слова есть и в современном турецком языке: armut (груша), armağan (подарок), keşür (морковь, восточноанатолийские диалекты), kent (городок), tane (зерно), dam (крыша, землянка), akşam (вечер), pamuk (хлопок), sirke (уксус). Но вошли они, конечно, в турецкий язык, как уже давно освоенные тюрками слова, появившиеся в языках тюркских племен еще до прихода их в Малую Азию.

Иранская лексика в турецком языке относится ко многим сторонам хозяйства и культуры. Но ее преобладающая часть связана опять-таки с земледелием и оседлым бытом. Так, можно выделить названия растений: çavdar (рожь), pirinç (рис), nohut (горох), mercimek (чечевица), şalgam (репа), hiyar (огурец), karpuz (арбуз), şeftali (персик), nar (гранат); даже такие собирательные названия, как sebze (овощи), meyva (фрукты); агротехнические термины: bostan (огород), bahçe (сад), bağ (виноградник), harman (молотьба), genceşer (пахарь), sarıtop (яма для хранения зерна); наименования блюд и продуктов, связанных с земледельческой культурой: şerit (шресная лепешка), erişte (лапша), reçel (варенье), nişaste (крахмал), maya (дрожжи), nan (хлеб), çorba (похлебка), pilâv (плов), hoşaf (компот); термины, связанные с постройкой оседлых жилищ: tahta (доска), cam (стекло), duvar (стена), pencere (окно), bacas (печная труба), pervaz (карниз), merdiven (лестница). Этимология большинства этих слов дана в словарях А. З. Будагова и В. В. Радлова как персидская. Такой же указана она и в словаре Д. А. Мара-

²⁴ Сводка работ о древних иранских заимствованиях в тюркских языках дана в книге: С. Г. Кляшторный, Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии, М., 1964, стр. 11—113. См. также его статью «Проблемы ранней истории племени тукок (ашина)» в сб. «Новое в советской археологии», М., 1965, стр. 278—281. В. И. Абаев возводит бёрю к сакскому бирга, сравнивает с осетинским бирэг (берэг): В. И. Абаев, Историко-этимологический словарь осетинского языка, т. I. М.—Л., 1958, стр. 263. Ср. также русское «бирюк».

²⁵ Н. А. Баскаков, Указ. раб., стр. 41—60.

²⁶ «Divanü lügat-it-Türk tercümesi», с. I, Ankara, 1939, s. 95, 140, 343, 431; с. III, Ankara, 1941, s. 44, 157.

²⁷ С. Ахаллы, Махмуд Кашгарынын сөзлүги ве түркмен дили, Ашгабат, 1958, стр. 71, 108, 137. Э. В. Севортян считает, что слово «акшам» заимствовано огузами из согдийского языка. Э. В. Севортян, Пробные статьи к этимологическому словарю тюркских языков, М., 1966, стр. 74.

заника. Однако это неверно. Как было показано выше, это лексика широкого круга иранских языков, а не только персидского языка.

Многие из приведенных слов есть и в среднеазиатских тюркских языках (туркменском, узбекском, киргизском, казахском), некоторые из них зафиксированы и в средневековых тюркских языках (чагатайском, куманском). Это еще раз говорит о том, что они были заимствованы тюрками в Средней Азии. Правда, эти слова в других языках имеют несколько иную фонетическую окраску и не всегда те же самые значения, что в современном турецком языке, например: туркм. там (дом), узб. шурпа (похлебка). Ср. турецкие *dam* (крыша, землянка), *çorba* (похлебка). Но это явление объясняется уже спецификой внутреннего развития самих указанных языков.

Кроме лексического влияния, субстраты в процессе языковой ассимиляции оказывают сильное воздействие и на фонетическую структуру ассимилирующего языка. Иногда это влияние в корне меняет всю звуковую систему победившего языка. Так, узбекский язык под воздействием таджикского (а таджики сыграли огромную роль в этногенезе узбеков) стал окающим и почти полностью утратил гармонию гласных, присущую тюркским языкам. А в азербайджанском, турецком и гагаузском языках появились новые согласные — в, ф, не характерные для тюркских языков. Последнее явление для азербайджанского языка объясняется ираноязычным влиянием, для турецкого, кроме общеираноязычного, также курдским²⁸ и греческим, для гагаузского — еще и славянским и романским. Таким образом, в изменениях фонетической структуры языка также отражаются этногенетические процессы²⁹.

Большое влияние оказали иранские языки и на грамматическую структуру турецкого языка (словообразование, морфологию и синтаксис): опомно число заимствований иранских предлогов, префиксов и суффиксов, союзов; в османском языке широко употреблялась иранская грамматическая форма, так называемый «персидский изафет»³⁰. Однако основная масса этих заимствований носила «книжный» характер — вошла в язык через персидскую литературу, а также через просвещение, администрацию, армию³¹.

До сих пор мы рассматривали в лексике турецкого языка заимствованные элементы — лексические субстраты, носители которых участвовали в этногенетическом формировании турецкого народа³². Однако основа турецкого языка — тюркская: типично тюркскими являются определяющие моменты фонетической структуры, грамматического строя, большинство лексики.

Здесь мы подходим к очень важному вопросу: всегда ли языковая доминанта (языковая основа, возобладавшая в процессе этногенеза) соответствует этнической (культурно-хозяйственной и антропологической) доминанте? Пример этногенеза турок дает на этот вопрос отрицатель-

²⁸ Например, в курдском языке часты случаи перехода б/л > в/ф: араб. шараб (вино) > курд. шерав; перс. хошаб (компот) > курд. хошаф. Эта закономерность, видимо, под влиянием курдского языка, усвоена некоторыми диалектами турецкого языка. Так, в диалектах центральной и восточной Анатолии слово «*otomobil*» (автомобиль, недавнее французское заимствование) превратилось в «*tomofil*».

²⁹ Рамки статьи не позволяют, к сожалению, подробно остановиться на этом вопросе.

³⁰ См. С. Майзель, Указ. раб., стр. 34—47.

³¹ Персидское культурное влияние было очень сильным в государстве Сельджукидов Малой Азии, где «придворным» языком был фарси.

³² В турецком языке много заимствований и из южнославянских, венгерского, румынского языков. Эти элементы тоже связаны преимущественно с оседлой культурой и земледелием. Но подробно остановиться на этом не позволяет ограниченный объем статьи.

ный ответ: в языке турок доминантой явилась тюркская основа (хотя и испытавшая влияние малоазийских языковых субстратов), но в турецком этносе (хозяйственно-культурном типе, антропологическом облике) возобладали этнические субстраты ассимилированных по языку групп малоазийского населения. Правда, у турок обнаруживаются и элементы, восходящие к тюркскому этносу (отдельные черты культуры, преимущественно духовной, некоторые слабые признаки монголоидности), но это лишь частности.

Подобных примеров этнография знает немало. Но, с другой стороны, известны случаи и совпадения языковой и этнической доминанты в результате процесса этногенеза (например, у монголов, казахов). Таким образом, все зависит от конкретных исторических условий.

Тюркская основа турецкого языка сближает его с другими тюркскими языками, это является общим для данных языков (подобно тому как славянская языковая основа составляет общее для всех славянских языков). Чем же обусловлено особенное, отличающее один язык от другого в пределах языковой семьи? Очевидно, что, во-первых, это различные субстраты, вошедшие в состав родственных языков при ассимиляции иноязычных групп, а во-вторых, различные части самой основы, восходящие к разным племенным языкам и диалектам. Есть и третья причина, вызывающая различия между языками, — расхождение языков в процессе спонтанного развития. Но этот момент не имеет прямого отношения к проблеме этногенеза. Так, в языках тюркских народов особенное определили, с одной стороны, языковые субстраты ассимилированных этнических групп, например: у туркмен — древних иранских народов Средней Азии, у азербайджанцев — иранских народов Кавказа, мидян, албанов, персов, у турок — греков, курдов, армян, славян. С другой стороны, у турок, азербайджанцев, туркмен, гагаузов победившим в языке компонентом оказался огузский. Этот общий для указанных народов огузский компонент в то же время является и особенным, выделяющим огузскую языковую группу из всей тюркской семьи языков. Наконец, в этногенезе туркмен и, в меньшей степени, азербайджанцев приняли участие, помимо огузов, другие тюркские народы, например кыпчаки, также внесшие свои особенности как в язык, так и этнос этих народов.

Анализ огузского языкового пласта и сопоставление его частей в туркменском, азербайджанском, гагаузском и турецком языках дает более точное представление и об огузском этническом компоненте, о доли его участия в этногенезе названных народов. Прежде всего выясняется, что огузский языковый пласт больше сохранился у турок и гагаузов, а у азербайджанцев и особенно у туркмен он подвергся сильным изменениям под воздействием кыпчакских языков. Так, Махмуд Кашгарский отмечает, что для огузов характерны звонкие согласные в начале слова — д (вместо т), г (вместо к), а также б (вместо м): деве (верблюд), а не тев как у других тюрков, гель (иди), а не жель, бен(я), а не мен³³. Он отметил также такие особенности языка огузов, как наличие грамматической формы на -асы — барасы ер (место, куда надо идти)³⁴, выпадение согласного звука г в аффиксе причастия настоящего времени — барган > баран (идуший)³⁵, вариант утвердительного междометия эв (да)³⁶. У турок и гагаузов мы как раз находим наиболее полное сохр

³³ «Divanü lûgat-it-Türk...», с. I, s. 31, 339; с. III, s. 225. См. также Н. А. Баянов, *Тюркские языки*, стр. 144.

³⁴ «Divanü lûgat-it-Türk...», с. I, s. 33.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же, стр. 51.

нение всех этих особенностей: deve/деве (верблюд), dam/дам (крыша), то же самое у азербайджанцев, но у туркмен — тҹе, там; gel/гель (иди), но у туркмен и азербайджанцев — кель; ben/бен (я), но у туркмен и азербайджанцев — мэн; evet/эвет (да), но у азербайджанцев бэли, а у туркмен — хавва. Сохранилась у турок и грамматическая форма на -ası, а в аффиксе причастия настоящего времени отсутствует звук g. В лексике также существуют очень близкие параллели между турецким и гагаузским языками, не находящие себе аналогий в других тюркских языках даже огузской группы: тур. — ana baba, гаг. — ана боба (родители), тур. — dayı, гаг. — дайын (дядя по матери), тур. — karı и гаг. — кары (жена), тур. — enişte и гаг. — эниште (зять, муж сестры), тур. — düñğ, гаг. — дюнҹджо (сват)³⁷, тур. — tosun и гаг. — тосун (бычок), тур. — düve и гаг. — дюве (телка), тур. — kuzu и гаг. — кузу (ягненок), тур. — domuz и гаг. — домуз (свинья), тур. — koraу и гаг. — копай (охотничья собака)³⁸. Выясняется также, что северо-западные диалекты турецкого языка сильно сближаются с гагаузским языком фонетически: возникновение вторичных долгих гласных в результате стяжения сочетаний гласных с согласной ğ/ə (aaç/aaç < ağaç/ağaç, bu-day/буудай < buğday/буудай), ассимиляция п/нл > пп/нн — onnar/onnar < onlar/онлар, annatak/аннамак < anlatak/анламак³⁹.

Наконец, турецкий язык, особенно его северо-западные диалекты, и гагаузский — оба сближаются с печенежским языком: ср. в печенежском языке переходы г/ > й в конце слов (бэг, бей), к/г > в (көкерчи > күверчи), т/д (тае > дае)⁴⁰ с полной аналогией в турецком и гагаузском языках: beу/бей, güvercin/гюверджин, dağ/даг.

Таким образом, гагаузский язык и северо-западные диалекты турецкого языка сближаются между собой именно в отношении наибольшего сохранения огузских особенностей. Поэтому можно предположить, что у этих языков был какой-то общий огузский компонент, усиливший их огузские черты или способствовавший их сохранению, и очертить его ареал районом Фракии и северо-запада Малой Азии. Определить этническую принадлежность этого компонента помогают исторические данные. Известно, что накануне сельджукского завоевания и одновременно с ним турки проникали в Малую Азию и с северо-запада, с Балкан. Это были племена печенегов, узов, которые Византия селила в пограничных провинциях. В битве при Манцикерте в 1071 г. у византийцев на правом фланге были узы из Фракии, а на левом — печенеги. Они перешли на сторону огузо-туркменских войск Сельджукидов в этой битве. Видимо, в диалектах этих тюркских племен и нужно искать тот компонент, который усилил огузские черты гагаузского и турецкого языков: узы — это и были огузы⁴¹, а печенеги — близкородственные им племена⁴².

Стало быть, в этногенезе турок, кроме тюркских племен, переселившихся в Малую Азию с востока (преимущественно огузских и туркмен-

³⁷ См. Л. А. Покровская, Термины родства в тюркских языках, сб. «Историческое развитие лексики тюркских языков», стр. 25, 49, 57, 58, 60, 65, 76.

³⁸ См. А. М. Щербак, Названия домашних и диких животных в тюркских языках, там же, стр. 99, 101, 113, 124, 127.

³⁹ Примеры по гагаузскому языку взяты из указанной выше работы Н. А. Баскова, стр. 133.

⁴⁰ Примеры по печенежскому языку взяты там же, стр. 130.

⁴¹ Византийские хроники именовали огузов узами, арабские — гуззами, русские летописи — торками.

⁴² Часть печенегов входила в состав огузов и, естественно, сблизилась с ними как в языковом, так и в этническом отношении.

ских), играли значительную роль и тюркские племена, проникшие в Малую Азию с запада, — узы и печенеги.

Итак, этнолингвистический анализ лексики турецкого языка позволяет сделать следующие выводы о некоторых закономерностях языкового и этнического взаимодействия в процессе этногенеза: 1) Лексические заимствования дают довольно точное представление о тех этнических группах, которые были ассимилированы в языковом отношении какой-либо этнической общностью в процессе этногенеза. 2) Субстратная лексика заимствуется зачастую (но не всегда) параллельно самим элементам культуры, которые она обозначает; для этногенетических выводов особенно показательна лексика, связанная непосредственно с хозяйством и культурой; легко выделяется географическая и зооботаническая лексика, заимствованная новообразовавшейся этнической общностью в процессе освоения заселяемой территории и принадлежащая, как правило, прежним насельникам этой территории. 3) При лексическом анализе языка в целях этногенетического исследования необходимо отделять от иноязычной лексики те лексические единицы, которые говорят лишь о культурном влиянии, культурных заимствованиях, отражают распространение какой-либо религиозной системы и т. п., но не связаны с этногенетическим процессом. 4) Анализ основы языка, указывающей на этнический компонент, возобладавший при языковом взаимодействии в процессе этногенеза, помогает определить, из каких этнических (в частности, племенных) групп состоял этот компонент.

SUMMARY

Being a case study of the turkish lexic, the article pursues the object to elucidate the linguistic influence of various ethnic strata in the process of ethnogenesis which is usually parallel to the cultural interaction.

The author comes to the conclusion that the lexicological analysis of a certain language (as well as grammatical and phonological ones) combined with the historical and anthropological data can provide rather precise and reliable facts on the ethnogenesis and ethnic history of the given people and particularly on the role of substratum in its formation.